

Счастье соседней дверью / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Счастье соседней дверью / рассказ СЧАСТЬЕ ЗА СОСЕДНЕЙ ДВЕРЬЮ

Утро только начиналось. Солнце лениво выкатилось из-за горизонта, разогнав зимние студёные сумерки. За ночь снег припорошил тротуары и черепичные крыши старого городка. На месте, где ещё тридцать лет назад были булочные, галантерейные лавки и ателье, теперь был супермаркет, в котором весь городок покупал хлопья на завтрак и замороженную пиццу на ужин.

Он жил здесь уже пятьдесят лет. Его пребывание здесь не прерывалось ни на день — он ни разу не выезжал отсюда. Ему нравились маленькие узкие улочки и тишина, не нарушаемая ничем, кроме звона колоколов местной церквушки по воскресеньям. Все здесь друг друга знали — куда ни пойдёшь, везде знакомые лица; везде приветливо здороваются и спрашивают, как поживает твоя грыжа.

Он жил один под крышей небольшой книжной лавки. В своё время он за очень дешево купил её у одного старика, который на закате лет решил уехать на юг. Вот уже и ему шел семьдесят пятый год, хотя никто и не давал ему больше семидесяти четырех. Все эти годы в его камерке вековая пыль не поднималась ничьими ногами, кроме его собственных. Конечно, иногда он приглашал кого-то на чай, но это случалось довольно редко — только тогда, когда приглашенным не нужно было успеть до закрытия супермаркета или когда их не ждали к ужину.

С каждым годом в лавке покупали все меньше книг и все больше заходили поглазеть. Он знал в чем здесь дело — люди просто перестали читать книги, а если и читали, то у них на то были компьютеры и планшеты. А если кто-то и приходил, Джон незамедлительно вскакивал со своей табуретки и спешил помочь

задумавшемуся покупателю. Он был особенно доволен в те дни, когда кто-нибудь из посетителей был особенно разговорчив, и хотя бы ненадолго занимал Джона разговором о погоде, книгах или о городских сплетнях.

На протяжении многих лет в тихие вечерние часы, после закрытия лавки, он садился в ротанговое кресло в своей каморке под крышей. Мысли уносили его далеко за пределы этой маленькой, плохо освещенной комнатухи. На его письменном столе, помимо кипы прочитанных и только начатых книг, стояла единственная фотография, хранившаяся в доме – выцветшая, черно-белая, бережно хранившаяся в рамке. На ней была изображена женщина в скромном черном платье, украшенном крупной брошью-камеей, обрамленной серебром. На коленях у женщины сидела маленькая девочка – на ней было кружевное платье. Ее взволнованные глаза смотрела прямо в объектив – должно быть, испугалась вспышки. А рядом с женщиной стоял мальчик в светлой рубашке, одной рукой он приобнимал ее за плечо. Этим восьмилетним мальчиком был он сам. Снимок был сделан незадолго до того, как началась война. И незадолго до того, как его мать и сестра погибли под завалами их собственного дома, обрушившегося под обстрелом немецких бомб. Все оставшееся детство он провел в детских домах, хотя сразу после случившегося он и перестал быть ребенком. Многие годы он просыпался по ночам в слезах и холодном поту, со страхом и злостью. За всю свою жизнь он так и не смог оправиться – он не сблизился с людьми, никогда не был по-настоящему влюблен. У него не было ни родни, ни друзей, ни возлюбленной. У него были только его книги, эта маленькая лавка и тоска, которая подгладывала ему кости уже больше полувека.

По воскресеньям он исправно ходил в церковь. Не то что бы он был очень религиозен – ему просто нравилось наблюдать за людьми. Он любил смотреть, как нежно держатся за руки молодожены; как бегают по паперти их многочисленные племянники и кузины. При виде счастливых бабушек и дедушек, нянчивших на коленях своих внуков, улыбка озаряла его лицо. В эти минуты он

забывался – никогда так остро не чувствуешь одиночество, как при виде чужого счастья.

Он в третий раз за утро просмотрел почту. Помимо пресловутой рекламы пылесосов, которую почему-то клали в почтовый ящик каждый божий день, а так же подписного журнала, не было ничего примечательного. Пришлось в третий раз отложить ее в сторону. Музыка ветра неожиданно разогнала утреннюю тишину и книжную пыль. Джон в радостном ожидании посетителя поднял голову. На пороге лавки появились два голубых как лазурь глаза, окруженных сетью морщинок. Глаза принадлежали седовласой женщине, одетой в зеленое пальто и оранжевый кашемировый платок.

– Доброе утро, Джон! – сказала она, потирая замерзшие руки и разматывая платок на шее – Как поживаете?

– Доброе-доброе, Кэти, – кивнул он, улыбнувшись, – Давно вы не заходили.

– Что верно, то верно, – сказала она, одарив его доброй улыбкой.

Кэти было около семидесяти. Десять лет назад она приехала сюда из Лондона. Хоть она и отличалась от всех местных, они говорили о ней только хорошее. Каждый год она устраивала благотворительный вечер, куда стекался весь городок – средства шли на содержание местного детского приюта. Многие обращались к ней за советом, рецептом или деньгами. Всех соседских детей она угощала конфетами и нугой, а те звали ее Бабушка Кэти. Местные знали, что у нее никого нет – она не носила в кошельке фотографии внуков, а в рождественские каникулы ее дом был все так же пуст, как и в другие дни.

– Уже прочитали то, что приобрели в прошлый раз? – спросил Джон, смахивая пыль с полок.

– Нет, все еще читаю. Последнее время все сложнее и сложнее – зрение все хуже становится, – вздохнула она, – Я не за этим пришла, Джон... Хочу попросить вас об услуге. У меня в гостиной имеются старинные часы, в свое время купила их у одной дамы,

которая по дешевке распродала всякую утварь – видимо, влезла в долги, вот и пыталась хоть где-то достать деньги. К сожалению, неделю назад они перестали ходить. Я ходила к часовщику, но он, к моей удаче, как раз уехал в Лондон, погостить у брата. Лаура – та, что живет на Зеленой улице, посоветовала мне пойти к вам. Она сказала, что вы уже чинили ей часы, когда часовщика не было в городе. Я заплачу за работу сколько скажете!

– Что вы, Кэти, это совсем несложно, я ничего с вас не возьму. Тем более, деньги мне не нужны, – покачал головой Джон, – Не на что мне их тратить. Но я с радостью угощусь вашим знаменитым вишневым пирогом.

– О, конечно-конечно! Я как раз поставила тесто! Скажите, когда вам будет удобно зайти? Может, сегодня вечером?

– О нет, отчего же, можно и сейчас. Все равно покупателей нет, – пожал он плечами, – Теперь уж все не так как прежде. Молодые люди больше не покупают книги, всё старики. Да только их уж мало здесь осталось.

Джон вышел из-за прилавка, предварительно прихватив инструменты, и натянул на себя пальто. Идти было недалеко – лишь перейти дорогу. Дом Кэти был одним из самых больших в городе. Раньше в нем жила большая семья, но им наскучил промозглый северный ветер и пение деревенских петухов, и они переехали.

Если Кэти кого-то когда-то по-настоящему любила, то, наверное, это была природа. Ее дом напоминал зимний сад. Каждый переступивший через порог ее дома ощущал себя путешественником или искателем приключений, вдруг обнаружившим смену пейзажа. Самые разные цветы и растения располагались на подоконниках, подвесных кашпо и полках. Кэти распахнула перед Джоном большие стеклянные двери, ведущие в гостиную. Взгляд его моментально упал на большие старинные часы – они застыли в глухом молчании, недвигающаяся позолоченная стрелка замерла над девятью часами.

– Вам принести что-нибудь? – спросила Кэти пока Джон открывал

скрипящую, что его кости, дверцу часов.

– Если можно – воды, в горле пересохло, – кивнул он.

– Конечно! – заторопилась она и скрылась за дверь.

Джон задумчиво осмотрел часы, облокотившись о стоявший рядом камин. Его локоть скользнул по мраморной крышке, и что-то с глухим стуком ударилось о деревянный пол. Джон обернулся – на полу лежала раскрывшаяся деревянная шкатулка. Он наклонился, испугавшись, что разбил ее. Шкатулка была цела, а под ней лежало ее содержимое – брошь-камея, обрамленная серебром. Что-то внутри него заскреблось, он почувствовал, как глухо стучит кровь в ушах.

Послышались шаги из коридора. Джон не смог оторвать взгляда от броши, лежавшей на полу. Кэти удивленно смотрела на него.

– Уронили? Ничего страшного! Я сама столько раз сталкивала эту шкатулку! Главное, чтобы брошь не разбилась, но она, как я вижу, цела, – вздохнула она. Джон все еще молчал, рассматривая брошь, – Красивая, правда?... Она досталась мне от мамы. Вернее, я сама забрала ее. Красть я ее не хотела, просто похвастаться перед соседскими девчонками. Взяла ее ненадолго, а как только вышла из дома – бум. В дом, где мы жили, попала бомба. Мама погибла под завалами, и...

– Как ваше полное имя, Кэти? – прошептал Джон почти одними губами.

– Кэтрин. Кэтрин Доусон, это фамилия моей матери..., – в глазах ее вдруг разгорелась искра. Искра понимания. И столько боли и радости было в этих глазах, – У меня был брат, Джон. Он пропал во время войны...

Война погубила не только тех, кто сражался под очередями пулеметов или тех, кто задышался в газовых камерах. Она задела и тех, кто просто стоял рядом – наивных, ничего не понимающих, не знающих страха разлуки и смерти. Многие, не сумев оправиться, так и остались одинокими. Спустя многие годы война все еще преследовала их – насылала на них кошмары, бросала тень на их морщинистые лица. Во время молитвы они просили об

упокоении души тех, кого у них когда-то забрала война.

Но Джон во время воскресных молебнов часто просил о другом – о том, чтобы он хоть на мгновение перестал чувствовать себя одиноким. Он мягко улыбнулся, закрыв глаза и слегка запрокинув голову вверх, и одними губами прошептал: «Спасибо».

Об авторе: ОЛЬГА НИКИФОРОВА

Прозаик. Родилась в маленьком городке в Сибири. Пишет с десяти лет, публиковалась в школьной газете и участвовала в юношеских литературных конкурсах. Сейчас проживает в Москве, заканчивает высшее образование по профилю юриспруденция. Neкаýalar